

DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.16

**Рецензия на монографию В.Б. Катаева
«К пониманию Чехова. Статьи»
(М.: ИМЛИ РАН, 2018. 247 с.)**

В книгу В.Б. Катаева «К пониманию Чехова. Статьи» вошли работы, созданные за последние 10–15 лет. Труды ученого, посвященные творчеству А.П. Чехова и другим вопросам истории русской литературы, давно и заслуженно признаны специалистами, их с удовольствием читают студенты и абитуриенты вузов. В.Б. Катаев на протяжении многих лет возглавляет Чеховскую комиссию Российской академии наук, заведует кафедрой русской литературы в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Новая книга дает возможность читателю познакомиться с размышлениями, открытиями ученого, его взглядами на творчество Чехова.

В книге выделены три раздела: в первый вошли статьи о биографии и личности Чехова, во втором затрагиваются вопросы чеховской поэтики, третий включает в себя работы, посвященные месту чеховского наследия в культурной жизни — не только национальной, но и мировой. Каждая статья может быть прочитана отдельно, но все вместе они, повторимся, представляют целостный взгляд на творчество писателя.

Открывается книга статьей «К пониманию Чехова: “ближний” и “дальний” контексты». Автор анализирует принципиально разные подходы к пониманию литературы, предложенные в свое время М.М. Бахтиным и М.Л. Гаспаровым. Последний, как известно, настаивал на том, что изучение литературного произведения продуктивно только в том времени и в том контексте, когда оно было создано. М.М. Бахтин же предполагал его изначальную незавершенность и считал необходимым установить творческий диалог автора и читателя-интерпретатора. Сопоставляя две точки зрения, В.Б. Катаев закономерно приходит к признанию необходимости синтетического подхода к литературе, когда важными оказываются оба контекста — «ближний» и «дальний» — и предлагает читателю анализ чеховской «Чайки». Мы назвали бы его классическим, образцовым, открывающим в хорошо известной пьесе новые грани и новые

смыслы. Такой подход, утверждает автор, позволяет читателю лишний раз убедиться в неисчерпаемости чеховских произведений.

Большой интерес представляют статьи, посвященные биографам Чехова и новым подходам к изучению творчества писателя, в частности к книге «Остров Сахалин». В.Б. Катаев последовательно разбирает работы биографов Чехова — А.П. Чудакова, Е. Толстой, Д. Рейфилда. Полемизируя с последним, он доказывает, что выстраивание буквальных параллелей между биографией и творчеством часто заводит исследователя в тупик, оказывается непродуктивным, поскольку «связи произведений с биографией у Чехова отнюдь не прямолинейны» (с. 25). С этим невозможно не согласиться.

Говоря о новых подходах к изучению творчества Чехова, В.Б. Катаев перечисляет методологические подходы, вошедшие в научный оборот сравнительно недавно. Речь идет о нарратологии, гендерном анализе, теории коммуникации и др. Особое место в книге В.Б. Катаева уделено полемике с Эвой Томпсон, автором работы «Антон Чехов и русский колониализм: отрицание идентичности в “Острове Сахалине”», которая выполнена в практике постколониалистской перспективы. Это направление «предлагает пересмотреть произведения, принадлежавшие к литературам колониальных держав, империй с определенной точки зрения, а именно: насколько в них представлены проблемы национальной самоидентификации, как изображаются нации, находившиеся в подчинении...» (с. 69). Однако подобный подход В.Б. Катаев подвергает справедливой критике. Любой взгляд на литературу может быть оправдан, пишет автор книги, «если при его использовании соблюдаются нормы научной объективности, доказательности и наука не подменяется политической заинтересованностью» (с. 69). Как раз этого и недостает работе Эвы Томпсон. В.Б. Катаев убедительно доказывает некомпетентность зарубежной исследовательницы: недостаточное знание текста, явные ляпсусы там, где, казалось бы, определяется область ее особого интереса: например, «ей неизвестно, что белорусы и малороссы — это названия разных наций», Чехова же она называет «империалистом», который «показывает свое лицо» (с. 69). Нельзя не согласиться с выводами В.Б. Катаева: «От подобных наскоков великая книга, конечно, не пострадает. Но главное, чтобы, вооружаясь новейшим филологическим инструментарием при ее прочтении в XXI в., не оставляли в веке XIX добросовестность и справедливость как обязательные научные принципы» (с. 71).

Второй раздел рецензируемой книги составляют статьи В.Б. Катаева о поэтике чеховских произведений. Открывают раздел работы, посвященные изучению художественных связей Чехова с его предшественниками. Автор сосредоточивается на чеховских описаниях природы — звуках, красках, запахах. Не секрет, что этот вопрос уже становился предметом научной дискуссии — В.Б. Катаев называет работы А.Б. Дермана, К.И. Чуковского, А.П. Чудакова. Здесь же он рассматривается в логике интертекстуальных связей, которые интересны у Чехова не сами по себе, а в свете тех критериев внутреннего, художественного чеховского отбора, которые использованы писателем при

его переходе «от манеры к манере» (с. 92). Вопрос этот, по нашему мнению, очень сложный, до конца еще не разрешенный. Однако принцип «нахождения своего в чужом», предложенный В.Б. Катаевым, видится нам в высшей степени продуктивным.

Во втором разделе книги читатель найдет много новаторских и даже парадоксальных идей. Наверняка большой интерес у впервые взявшего в руки эту книгу вызовет работа «Чеховские транссексуалы, или Техника “перенесений”». Статья, как мы считаем, перекликается с работой о биографах Чехова. Мы уже упомянули, что В.Б. Катаев подчеркивает непрямую связь биографии и творчества писателя. И эта статья — прямое тому доказательство. Ученый утверждает: «Часто, сделав кого-либо предметом наблюдения и изучения и создавая затем литературный персонаж, Чехов меняет пол этого персонажа на противоположный» (с. 103). Это положение подтверждается многими примерами. Позволим себе комментарий, что начинающие исследователи творчества Чехова, которым часто тяжело дается чтение научной литературы, тут получают большое удовольствие и не будут в претензии к своему научному руководителю, посоветовавшему работы В.Б. Катаева, — статья приглашает читателя в увлекательный мир чеховской творческой лаборатории.

Наблюдения В.Б. Катаева чрезвычайно любопытны: он доказательно находит прототипов героев чеховских повестей в его записках, эпистолярном наследии и т. д. Так, пассажирка парохода «Байкал», обладающая способностью заразительно смеяться, позже превращается в молодого дьякона из «Дуэли». За этим увлекательным расследованием читатель не пропустит важнейшего, с нашей точки зрения, положения: «...на глубинном уровне им (Чеховым. — Т. Д.) утверждалась скорее общность общечеловеческая, нежели неравенство в гендерной сфере. Кажется, косвенно об этом говорит и его техника смены пола у персонажей» (с. 111). Именно этот вывод представляется самым важным: видимо, для Чехова существенную роль играли не только особенности персонажа, обусловленные его половой принадлежностью (их значения никто не отрицает), но и то, что составляет сущность, нутро человеческого, и что определяется уже не полом, а душевной состоятельностью.

Неподдельный интерес вызывает статья «Цирки и кладбища: чеховские топысы». Не будем передавать содержание работы — пересказ никогда не бывает лучше первоисточника, — позволим себе процитировать ее ключевое положение: «Откровенная несерьезность, гротескная бесцеремонность в обращении с темой смерти — давняя, родовая черта циркового искусства, восходящая к древним ритуальным представлениям. Обращение смерти и всего, что ее сопровождает, в фарс и сближает в первую очередь многие произведения Чехова с цирком» (с. 113). Свои наблюдения В.Б. Катаев убедительно доказывает примерами из произведений «Дипломат», «Один из многих», «Душечка» и т. д.

Во втором разделе книги читатель найдет статьи, посвященные дискуссии о жанровой природе комедий писателя, характере развязок, об органической

связи чеховской прозы и драматургии. Завершается раздел компаративной статьей о связи чеховских пьес с творчеством Ибсена.

Третий раздел посвящен месту Чехова в современной культурной жизни. В него входят как статьи исключительно научные («Вишневый сад как элемент национальной мифологии»), так и носящие текстолого-публицистический характер («Некоторые любят погорячее, или Еще раз о купюрах»). И публицистическое здесь отнюдь не уступает по значимости научному. В упомянутой статье В.Б. Катаев описывает поистине драматическую ситуацию, сложившуюся вокруг неизданных писем Чехова. С момента выпуска полного собрания сочинений и писем писателя прошло более 20 лет, за это время найдены новые письма и дарственные надписи. Более того, многие письма напечатаны с купюрами, что вызывает множество недоразумений. Однако обновленное издание писем Чехова так и не состоялось. Невольно соглашаешься с предложенной В.Б. Катаевым аналогией: в одном из писем Чехов вспоминает о старых психопатках, «воображающих, что литераторы гипсовые», — современный читатель Чехова, лишенный возможности ознакомиться с его наследием без купюр, как ни прискорбно, оказывается подобен этим несчастным.

Т.Г. Дубинина